

Клайв Стейплз Льюис

ДРУЖБА

Когда я говорю о привязанности или влюбленности, все меня понимают. Оба эти чувства воспеты и прославлены свыше всякой меры. Даже те, кто в них не верит, подчиняются традиции — иначе они бы не обличали их. Но мало кто помнит теперь, что и дружба — любовь. У Тристана и Изольды, Антония и Клеопатры, Ромео и Джульетты тысячи литературных соответствий; у Давида и Ионафана, Ореста и Пилада, Роланда и Оливье их нет. В старину дружбу считали самой полной и счастливой из человеческих связей. Нынешний мир ее лишен. Конечно, все согласятся, что кроме семьи мужчине нужны и друзья. Но самый тон покажет, что под этим словом подразумевают совсем не тех, о ком писали Цицерон и Аристотель. Дружба для нас — развлечение, почти ненужная роскошь. Как же мы до этого дошли?

Прежде всего, мы не ценим дружбы, потому что ее не видим. А не видим мы ее потому, что она из всех видов любви наименее естественная, в ней не участвует инстинкт, в ней очень мало или просто нет биологической необходимости. Она почти не связана с нервами, от нее не краснеют, не бледнеют, не лишаются чувств. Соединяет она личность с личностью; как только люди подружились, они выделились из стада. Без влюбленности никто бы из нас не родился, без привязанности — не вырос, без дружбы можно и вырасти, и прожить. Вид наш с биологической точки зрения в ней не нуждается. Общество ей даже враждебно. Заметьте, как не любит ее начальство. Директору школы, командиру полка, капитану корабля становится не по себе, когда кого-нибудь из их подчиненных свяжет крепкая дружба.

Эта противоестественность дружбы объясняет, почему ее так любили в старину. Главной, самой глубокой мыслью античности и средневековья был уход от материального мира. Природу, чувство, тело считали опасными для духа, их боялись или гнушались ими. Привязанность и влюбленность слишком явно уподобляют нас животным. Когда вы испытываете их, у вас перехватывает дыхание или жжет в груди. Светлый, спокойный, разумный мир свободно избранной дружбы отдаляет нас от природы. Дружба — единственный вид любви, уподобляющий нас богам или ангелам.

Сентиментализм и романтизм восстановили в правах природу и чувства. Поклонники "темных богов" опустили еще ниже, и к дружбе они уже начисто неспособны. Все, что считалось доблестями дружбы, работает теперь против нее. Она не знает лепета, нежных подарков, слез умиления, любезных поборникам чувства. Она слишком светла и покойна для поклонников низких инстинктов. По сравнению с более природными видами любви она жидка, пресна, бесплотна, это какой-то вегетарианский суррогат.

Кроме того, многие сейчас ставят общественное выше личного. Дружба соединяет людей на высшем уровне их личностного развития. Она уводит их от общества, как одиночество, но в нее уходит не один человек, а по меньшей мере двое. Демократическому чувству она тоже противна, в ней есть избранничество. Словом, в наши дни главу о дружбе приходится начинать с ее оправдания.

Для начала коснемся весьма непростой темы. В наше время нельзя обойти вниманием теорию, считающую, что всякая дружба на самом деле — однополая влюбленность.

Здесь очень важны опасные слова "на самом деле". Если вы скажете, что всякая дружба осознанно гомосексуальна, все поймут, что это ложь. Если вы спрячетесь за вышеприведенными словами, получится, что друзья и сами ничего не знают об ее истинной сути. Это уже нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Само отсутствие свидетельств окажется свидетельством. Дыма нет — значит, огонь хорошо скрыли. Конечно; если огонь вообще есть. С таким же правом можно сказать: "Если бы в кресле лежала невидимая кошка, оно казалось бы пустым. Оно пустым кажется. Следовательно, в нем лежит невидимая кошка".

Логически опровергнуть веру в невидимых кошек нельзя, но она немало говорит нам о том, кто ее исповедует. Те, кто видит в дружбе лишь скрытую влюбленность, доказывают, что у них никогда не

было друзей. Кроме них, все знают по опыту, что дружба и влюбленность совсем непохожи, хотя их можно испытывать к одному и тому же человеку. Влюбленные все время говорят о своей любви; друзья почти никогда не говорят о дружбе. Влюбленные смотрят друг на друга; друзья — на что-то третье, чем оба заняты. Наконец, влюбленность, пока она жива, связывает только двоих. Дружба двумя не ограничена, втроем дружить даже лучше, и вот почему.

Лэм говорит где-то, что, когда А умрет, В теряет не только самого А, но и "его долю С" и С — "его долю В". В каждом друге есть что-то такое, чему дает осуществляться лишь третий друг. Сам я недостаточно широк; моего света мало, чтобы заиграли все грани его души. Дружба почти не знает ревности. Двое друзей счастливы, что нашли третьего, трое — что нашли четвертого, если он действительно друг. Они рады ему, как рады пришельцу блаженные души у Данте. Конечно, похожих людей немного (не говоря уже о том, что на земле нет таких больших комнат), но в идеале дружба может соединять сколько угодно друзей. Этим она "близка по сходству" к раю, где каждый видит Бога по-своему и сообщает о том всем другим. Серафимы у Исаяи зывают друг к другу: "Свят, свят, свят!.." (Ис. 6:3). Дружба — умножение хлебов; чем больше съешь, тем больше останется.

Вот почему нынешняя теория не выдерживает никакой критики. Дружба и противоестественная влюбленность, конечно, соединялись, особенно в некоторых культурах, в определенное время. Но где это было, там было, как вообще бывает соединение дружбы с влюбленностью. Примысливать же это не нужно, нельзя. Слезы, объятия и поцелуи ни о чем подобном не свидетельствуют. Если мы будем их так воспринимать, получится очень уж нелепо. Подумать смешно, что Джонсон, обнимающий Босуэлла, — педераст. Если вы можете в это поверить, вы во что угодно поверите. Объяснить надо не то, что наши предки обнимались, а то, что мы теперь не обнимаемся. Мы, а не они нарушили традицию.

Я говорил, что без дружбы может выжить и человек, и общество. Но есть другое явление, обществу необходимое, и его часто путают с дружбой. Это еще не дружба, а как бы ее заготовка.

В первобытных сообществах охотники должны действовать вместе, а женщины должны рожать и воспитывать детей. Без этого племя погибнет. Задолго до начала истории мы, мужчины, собирались отдельно от женщин. Нам надо было потолковать о наших общих делах. Мы думали, как что сделать, мы обсуждали сделанное, высмеивали трусов, хвалили храбрецов. Нам очень нравилось быть вместе; мы, смельчаки, мы, охотники, знали то, чего женщины не знают, а шуток наших они и понять не могли. Вероятно, все это было связано с религией и ритуалом.

А что же делали в это время женщины? Не знаю. Откуда мне знать? Наверное, свои ритуалы были и у них. Когда земледелием ведали они, им тоже приходилось вместе толковать о деле. Мне кажется, мир их не был начисто женским, с ними были дети, а может, и старики. Все это догадки. Я могу воссоздать предысторию дружбы только по мужской линии.

Этот прообраз дружбы я назову приятельством, хотя его много чаще дружбой и зовут. Говоря о своих друзьях, люди сплошь и рядом имеют в виду приятелей. Я ничуть не хочу умалить этот вид человеческой связи. Мы не умаляем серебро, отличая его от золота.

Дружба рождается из приятельства, когда двое или трое заметят, что они что-то понимают одинаково. Раньше каждый из них думал, что только он это понял. Дружба начинается с вопроса: "Как, и ты это знаешь? А я думал, я один..." Можно представить себе, что среди первобытных охотников раз в сто лет или раз в тысячу какие-то люди открывали что-нибудь новое. Они видели вдруг, что олень не только съедобен, но и прекрасен; что охотиться весело, а не только нужно; что боги святы, а не только сильны. Но пока человек знал это один, он умирал, не породив ни искусства, ни спорта, ни духовной веры. Когда же двое находили друг друга и с превеликим трудом рассказывали о своих открытиях, рождалась дружба, а вместе с ней — искусство, спорт или вера. И тут же друзья оказывались в полном одиночестве.

Влюбленные ищут уединения. Друзьям его искать не надо, они и так отделены стеной от толпы. Они бы рады сломать эту стену, они рады найти третьего, но находят его не всегда.

В наше время дружба возникает так же. Конечно, в приятельстве нас объединяет не насущная для жизни охота, а университет, служба, клуб, полк. Все, кто окружает нас, — наши приятели. Те, кто

разделяет с нами что-то свое, особенное, — наши друзья. Как говорил Эмерсон, в этом виде любви вопрос: "Ты меня любишь?" — значит: "Ты видишь ту же самую истину?" или хотя бы: "Важна тебе та же истина?" Человек, понимающий, как и мы, что какой-то вопрос важен, может стать нам другом, даже если он иначе ответит на него. Вот почему трогательные люди, которые хотят "завести друзей", их никогда не заведут. Дружба возможна только тогда, когда нам что-то важнее дружбы. Если человек ответит на тот вопрос: "Да плевал я на истину! Мне друг нужен", он может добиться только привязанности. Здесь "не о чем дружить", а дружба всегда "о чем-то", хотя бы это было домино или интерес к белым мышам.

Если друзья, нашедшие друг друга, разного пола, к дружбе их очень быстро, иногда в первые же полчаса, присоединяется влюбленность. Вообще, если они не противны один другому физически или не любят уже кого-то, они непременно друг в друга влюбятся. И наоборот, влюбленные могут подружиться. Но и в том, и в другом случае это только четче очертит разные виды любви. Когда возлюбленная становится другом, мы никак не захотим разделить ее влюбленность с кем-то третьим, но дружбу ее разделить мы только рады. Влюбленный только рад, если его подруга способна в самом глубоком и истинном смысле войти в круг его друзей.

Существование дружбы и влюбленности поможет вам понять, что и дружба — великая любовь. Представим себе, что мы женились на женщине, которая может стать нам настоящим другом. Теперь предположим, что нам сказали: "Влюбленность ваша исчезнет, но вы всегда будете вместе искать Бога, истину, красоту. Если же это вам не нравится, вы будете всегда влюблены друг в друга, но друзьями не станете. Или то, или это. Выбирайте". Что мы выберем? О каком выборе не пожалеем?

Я подчеркиваю, что дружба — не нужна; об этом надо поговорить подробнее.

Мне скажут, что дружба очень нужна обществу. Великие религии начинались в узком кругу друзей. Математика возникла, когда несколько друзей в Греции стали беседовать о числах, линиях и углах. Наше Королевское общество было маленькой группой джентльменов, собиравшихся в свободное время потолковать о никому, кроме них, не интересных вещах. Романтизм действительно был Уордсвортом и Колриджем, которые (особенно Колридж) без умолку говорили о своем, особом видении мира. Возрождение, Реформация, борьба против рабства, коммунизм, методизм начались, в сущности, так же.

Значит, дружба пользу приносит. Но почти каждый читатель что-то одобрит из моего списка, что-то осудит. В лучшем случае список этот показывает, что дружба может приносить обществу и пользу, и вред. Да и помогает она обществу не выжить, а "жить хорошо", как называл это Аристотель. Иногда эти виды пользы совпадают, но бывает это редко. Кроме того, дружба о пользе не думает, польза для нее — отход производства. Религии, которые по замыслу должны служить обществу, например почитание императора в Риме или нынешнее торговое христианство, ничего не дают. Несколько друзей, отвернувшись от мира, преобразуют мир. Математика Египта и Вавилона служила обществу, земледелию, астрологии. Но для нас гораздо важнее математика греческая, которой занимались на досуге несколько друзей.

Многие скажут мне, что без дружбы не выжить человеку. Они имеют в виду не друга, а помощника, союзника. Конечно, друг, если нужно, даст нам денег, выходит нас во время болезни, защитит от врагов, поможет нашей вдове и детям. Но дружба не в этом. Это скорее помехи. В одном смысле эти дела очень важны, в другом — неважны. Они важны, ибо тот, кто их не сделает, окажется ложным другом. Они неважны, ибо роль благодетеля случайна в дружбе, даже чужда ей. Дружба совершенно свободна от "нужды, чтобы в тебе нуждались". Нам очень жаль, что представился случай оказать помощь, — ведь это значит, что друг был в беде, а теперь, ради Бога, забудем об этом и займемся чем-нибудь стоящим! Сама благодарность не нужна дружбе. Привычная фраза: "Да о чем тут говорить!.." — выражает наши истинные чувства. Знак истинной дружбы не в том, что друг помогает, а в том, что от этого ничего не изменится. Помощь отвлекает, мешает, на нее уходит время, которого и так всегда не хватает друзьям. У нас всего два часа, а целых двадцать минут пришлось потратить на "дело"!

Дела друзей нас не интересуют. В отличие от влюбленности дружба не пытлива. Мы заводим друга, не зная, женат ли он и где он служит. Все это — пустяки перед главным: он видит ту же истину. Среди

настоящих друзей человек представляет только себя самого. Никому не важны ни профессия его, ни семья, ни доход, ни национальность. Конечно, чаще всего это знают, но случайно. Дружба — как цари. Так встречаются властители независимых стран в какой-нибудь нейтральной стране. Дружба по природе своей не интересуется ни нашим телом, ни всем тем "расширенным телом", которое состоит из родных, прошлого, службы, связей. Вне дружеского круга мы не только Петр или Анна, но и муж или жена, брат или сестра, начальник, подчиненный, сослуживец. Среди друзей все иначе. Влюбленность обнажает тело, дружба — самую личность.

Этим обусловлена дивная безответственность дружеской любви. Я не обязан быть чьим-нибудь другом, и никто не обязан быть моим. Дружба бесполезна и не нужна, как философия, как искусство, как тварный мир, который Бог не обязан был творить. Она не нужна жизни; она — из тех вещей, без которых не нужна жизнь.

Я говорил, что в отличие от влюбленных друзья не смотрят друг на друга. Да, смотрят они на что-то третье, но это не значит, что они друг друга не видят и не любят. Дружба — та самая среда, где расцветают взаимная любовь и взаимное знание. Мы никого не знаем так хорошо, как друзей. Каждый шаг на совместном пути поверяет дружбу, и проверка эта нам понятна, она осознанна, мы в ней участвуем. Наше почтение друг к другу преображается, когда придет час, в исключительно зрячую и крепкую любовь-восхищение. Если бы мы с самого начала больше глядели на человека, меньше — на предмет дружбы, мы бы не узнали так хорошо, не полюбили так глубоко того, с кем подружились. Мы не обретаем поэта, мыслителя, воина, христианина, если будем любоваться им, как возлюбленной. Лучше читать вместе с ним, спорить с ним, сражаться, молиться.

Любовь-оценка в дружбе исключительно сильна. Среди настоящих друзей каждый нередко чувствует себя недостойным, удивляется, что он нужен, смиренно радуется, что его приняли. Поистине, прекрасны часы, когда четыре или пять человек пришли под вечер в свой кабачок или сидят дома, у огня. Вино — под рукой, все открыто уму, обязанностей нет, все равны и свободны, словно сегодня познакомились, хотя, быть может, многолетняя привязанность, кроме дружбы, соединяет нас. У земной жизни нет лучшего дара. Кто заслужил его?

Из всего, о чем мы говорили, ясно, что во многих обществах, во многие эпохи мужчины дружили с мужчинами, женщины — с женщинами. У них не было общего дела, без которого нет приятельства, порождающего дружбу. Многие мужчины работали, а женщины — нет; иногда они выполняли разную работу. Но, конечно, там, где у них работа общая, они легко вступают в дружбу — скажем, среди преподавателей, среди писателей, среди актеров. Правда, кто-то из друзей может принять эту дружбу за влюбленность, а тогда бывает очень тяжело. Могут друзья и действительно влюбиться друг в друга, один вид любви превратится в другой. Но это, повторяю, разные виды любви, иначе мы не употребили бы здесь слов "принять" и "превратиться".

Нашему обществу не повезло. Мир, где мужчины и женщины общим делом не связаны, живет неплохо: мужчины, дружат друг с другом и очень этому рады, а женщины рады своим, женским друзьям. Мир, где у мужчин и женщин — общее дело, тоже хорошо живет. Но мы сидим между двух стульев. Считается, что дело это есть, а оно есть не везде. Например, в фешенебельных предместьях его ни в коей мере нет. Мужчины "делают деньги", а женщины на досуге предаются "жизни духа"; или, наоборот, мужчины занимаются наукой, правом, искусством, а женщины — как дети среди взрослых. Ни там, ни там дружбы не получится. В этом ничего страшного не было бы, если бы это поняли и приняли. Но в наши дни все слышаны о разнополой дружбе и от других отстать не хотят. Вот и выходит, что изысканная жена, словно гувернантка, вечно воспитывает мужа. Она таскает его на концерты и приглашает "умных людей". Чаще всего это приносит удивительно мало вреда. У мужчины средних лет — огромный запас сопротивляемости и (знали бы это женщины!) снисходительной терпимости: "А, все они чудят!.." Гораздо хуже, когда мужчины культурнее женщин, а женщины ни за что не хотят этого признать.

Получается нечто жалкое, фальшивое и трудоемкое. Все делают вид, что женщины действительно на равных с друзьями-мужчинами. Теперь женщины курят и пьют (что само по себе не очень важно), и простым душам кажется, что они уже совсем как мужчины. Бедным мужчинам не дают собраться одним. Мужчины умеют жить чистой мыслью. Они знают, что такое спор, пример, доказательство. Женщина, с грехом пополам окончившая школу и сразу все забывшая, женщина, читающая только журналы мод и

умеющая не беседовать, а рассказывать, в круг мыслящих мужчин войти не может. Конечно, она может сидеть в той же комнате. Если мужчины забудут о ней, захваченные спором, она промолчит и промается весь вечер, слушая бессмысленные для нее фразы. Если мужчины достаточно учтивы, они попытаются втянуть ее в разговор. Они станут разжевывать все для нее, привнесут какой-то смысл в ее жалкие реплики. Вскоре все выйдут из сил, и вместо доброго спора получится смесь сплетен, шуток и анекдотов. Научившись пить, курить и ругаться, женщина приблизилась к мужчинам не больше, чем ее бабушка. Просто бабушка была умней и счастливей — она по-женски беседовала дома с подругами и, наверное, блистала при этом очарованием, остроумием и здравомыслием. Внучка могла бы с успехом делать то же самое. Она ничуть не глупее мужчин, которым она испортила вечер. Ей просто неинтересно то, что их занимает; а все мы тупеем, когда пытаемся судить о безразличных для нас вещах.

Навредили такие женщины очень сильно. Отчасти из-за них и увядает мужская дружба и даже мужское приятельство. Чаще всего вредят они бессознательно. Однако есть и особенно воинственные дамы, которые к этому стремятся. Я слышал, как одна из них говорила: "Никогда не давайте мужчинам заговорить друг с другом. Они начнут что-нибудь обсуждать, и будет очень скучно". Видите, как просто? Болтать можно, а обсуждать "что-нибудь" нельзя.

Осознанное наступление на дружбу ведется и на более высоком уровне: есть женщины, которые относятся к ней со злобой, завистью и страхом. Они считают ее заклятой врагинею любви, под которой чаще понимают привязанность, чем влюбленность. Такая женщина перессорит мужа с друзьями или, еще лучше, с их женами. Она будет лгать, клеветать, не догадываясь о том, что после такой обработки муж ее заметно упадет в цене. Когда она заметит, что он уже, в сущности, не мужчина, она сама начнет его стыдиться. Кроме того, она забывает, что он большую часть времени проводит там, где за ним не присмотришь. Возникнут новые дружба, тайные. Ее счастье, если не появятся и другие тайны, уже не связанные с мужскими беседами.

Все это, конечно, женщины глупые. Умные уйдут в другой угол, чтобы говорить о своем и смеяться над нами. Это хорошо. Там, где мужчин и женщин соединяет не общее дело, а привязанность и влюбленность, они должны остро ощущать нелепость другого пола. Да это и вообще полезно. Другой пол (как и детей, и животных) не оценишь толком, не смеясь над ним. Мы, люди, трагикомичны; разделение на два пола помогает мужчинам увидеть в женщинах, женщинам — в мужчинах то, чего они не видят в себе самих: как нелепы они и как достойны жалости.

Итак, дружба чиста, свободна, не ищет своего, радуется истине. Она — чисто духовна. Наверное, именно такой любовью любят друг друга ангелы. Быть может, среди естественных видов любви мы нашли Любовь?

Прежде чем делать такие выводы, присмотримся к слову "духовный". В Новом завете это слово много раз означает "причастный Святому Духу", и, конечно, в этих случаях ничего плохого в нем нет. Но когда понятие это противопоставляется "телесному" или "животному", дело обстоит иначе. Есть духовное благо, есть духовное зло. Есть святые, есть и падшие ангелы. Худшие наши грехи — духовные. Дружба духовна; но нельзя забывать о трех обстоятельствах.

Во-первых, как мы уже говорили, начальство дружбы боится. Быть может, это несправедливо; быть может, есть к тому и поводы.

Во-вторых, почти каждый дружеский круг не вызывает особого восхищения; в лучшем случае его окрестят кружком, в худшем — шайкой, кликой, камарильей. Те, кто знает по опыту только привязанность, приятельство и влюбленность, подозревают членов такого кружка в зазнайстве. Конечно, это голос зависти. Но зависть прозорлива, и к голосу ее мы должны прислушиваться.

Наконец, в Писании любовь между Богом и человеком редко уподобляется дружбе. Конечно, слова о "друзьях" есть; но гораздо чаще, подыскивая образ для самой высокой любви, Писание как бы не замечает ангельской связи личностей и погружается в глубины несравненно более естественных, связанных с инстинктом союзов: привязанности (Бог — наш Отец) и влюбленности (Христос — Жених Церкви).

Начнем с первого обстоятельства. Как я уже говорил, дружба рождается, когда один человек сказал другому: "И ты тоже? А я думал, я один..." Но общая для них точка зрения не обязана быть доброй. Они могут основать искусство, философию, веру; могут изобрести пытку или человеческие жертвоприношения. Почти все мы подростками испытали двусмысленность таких минут. Как радовались мы, встретив мальчика, который любил того же самого поэта! Туманные чувства обретали ясность, и мы гордились тем, чего прежде стыдились. Радовались мы и тому, кто страдал нашим тайным пороком. Здесь тоже возникали и ясность, и гордость. Даже сейчас все мы знаем, как приятно разделить с кем-нибудь ненависть или злобу.

Когда ты один в чужой среде, ты стыдишься, а порой сомневаешься. Но стоит тебе найти друга, и в полчаса — нет, в десять минут — взгляды твои станут незыблемыми. Тысячи противников не смогут тебя сбить. Все мы хотим, чтобы нас судили "равные нам". Они и только они понимают нас и применяют верные мерки. Их хвалу мы ценим, хулы — боимся. Крохотные общины первых христиан выжили потому, что были глухи к голосу "мира сего". Но преступники, маньяки, педерасты выживают по той же самой причине: они не слышат "внешних — этих лицемеров, черни, мещан, ханжей и тому подобное.

Вот почему начальство не любит дружбы. Каждая дружба — предательство, даже бунт. Бунт мудрецов против пошлости или бунт пошляков против мудрости; бунт художников против уродства или бунт шарлатанов против здорового вкуса; бунт хороших людей против плохой среды или бунт плохих против хорошей. В любом из случаев дружба создает государство в государстве, потенциальный оплот сопротивления. Дружьями труднее управлять, труднее склонить их к добру — или ко злу. Если власти распропагандируют нас или просто лишат нас частной жизни и свободного времени и создадут мир, где все — соратники, а друзей нет, мы предотвратим немало опасностей и потеряем самую сильную защиту от полного рабства.

И все же опасности эти реальны. Дружба — школа добродетели и школа порока. Хорошего человека она сделает лучше, плохого — хуже. Как и всякая естественная любовь, она страдает склонностью к определенной болезни.

Всякой дружбе — и доброй, и дурной, и просто безвредной — присуща глухота. Даже филателисты резонно не считаются со всеми, кто находит их занятие пустой тратой времени или ничего о нем не знает. Основатели метеорологии резонно не считались с теми, кто думал, что буря — порождение ведовства. Тут ничего плохого нет. Я — вне круга игроков в гольф, математиков или мотоциклистов, и они вправе считать меня чужаком. Тем, кто скучен друг другу, незачем часто видеться; тем, кто друг другу интересен, видеться надо часто.

Плохо другое: частичная и резонная глухота к чужому мнению может переродиться в глухоту полную и необоснованную. Самый наглядный тому пример — не дружеский круг, а правящий класс. Мы знаем, что во времена Христа думали священнослужители о мирянах. Рыцари в хрониках Фруассара не испытывали ни любви, ни милости к простому люду. В своем кругу у них были на редкость высокие понятия о чести, великодушии и учтивости. Осмотрительному и своекорыстному крестьянину эти понятия показались бы просто глупыми. Рыцари с его мнением не считались, а если бы посчитались — у нас самих теперь было бы гораздо меньше чести и учтивости. Но презрение к чужому взгляду даром не проходит. Тому, кто не слышал крестьянина, высмеивавшего честь, было легче не услышать его, когда он взывал к милости. Неполная глухота, даже если она благородна, помогает обрести глухоту полную, которая неизбежно пропитана злобой и гордыней.

Конечно, дружеский круг — не класс и поработить мир не может. Но закон в нем действует тот же самый. Дружья могут окружить себя стеной пустоты, которую не пробьет никакой призыв. Писатели или художники, не считавшиеся поначалу с примитивными взглядами простых людей на литературу и живопись, могут потом не считаться и с другими их взглядами — что надо платить долги, стричь ногти и вести себя вежливо. Любые недостатки дружеского круга (а они есть у всякого) могут стать неизлечимыми. И это не все. Поначалу глухота основана на каком-то реальном превосходстве, потом она сама порождает чувство превосходства вообще. Круг презирает и знать не хочет "внешних". Он и впрямь становится классом, самозваной аристократией.

Мы видели, что друг нередко чувствует себя недостойным своих друзей. Он знает, как они блестящи, и счастлив, что они его приняли. Но, как ни жаль, "они" здесь — это и "мы". Очень легко перейти от личной скромности к гордыне избранного круга.

Я имею в виду не снобизм. Сноб хочет присоединиться к кругу, который уже считают элитой; друзьям грозит опасность счесть элитой самих себя. Читатель, знающий дружбу, станет пылко заверять, что его круг миновала такая опасность. Кажется так и мне. Но лучше не полагаться на свое суждение. Во всяком случае, тенденция эта, несомненно, есть у всех, кто нас называет чужаками.

Однажды два священника заговорили при мне о "нетварных энергиях", которые, как оказалось, не Бог. Я спросил: "Разве может быть что-то нетварное, кроме Бога, ведь в Символе веры говорится, что Он — "творец всего видимого и невидимого"?" Они переглянулись и засмеялись. Я не обиделся, но все же хотел ответа. Смеялись они не высокомерно. Так смеются взрослые, когда ребенок спросит то, о чем не спрашивают. Быть может, ответ у них был, но они знали, что мне его не понять. Если бы они так и сказали, я не обвинял бы их в гордыне круга. Взгляд их и смех воплотили самую ее суть. Она и не думает оскорбить. Собственное превосходство так ясно, что можно позволить себе терпимость, вежливость и олимпийское спокойствие.

Гордыня эта, однако, может не только вознести на спокойную высоту Олимпа, но и уподобить нас мятежным титанам. Как-то раз, когда студенты (вполне обоснованно) ругали мою статью, один из них, упорный, как грызун, вел себя так, что мне пришлось сказать: "За последние пять минут вы дважды обвинили меня во лжи. Если вы не можете спорить иначе, я уйду". Я думал, он или взорвется, или попросит прощения. Как ни странно, он не сделал ни того, ни другого. Он продолжил выражаться в том же духе. Нас явно разделял железный занавес. Студент этот не мог вступить ни в какой личный контакт — ни во вражеский, ни в дружеский — с такими, как я. Почти несомненно, за этим стоял какой-нибудь замкнутый круг. Для него мы не люди, а образчики возраста, типа, круга, с которым давно пора покончить. Общаясь с нами, он, в сущности, с нами не общался, он делал дело, распылял дуст (я сам слышал, как один из них употребил этот образ).

Два милых священника и не особенно милый грызун были очень образованны, как и те, кто при Эдуарде прямо называли себя "избранными". Но гордыня круга может поразить и вполне обычных людей, и выражаться тогда она будет гораздо грубее. Все мы видели, как говорят мальчишки в школе с "новеньким" или старые друзья в кабаке — при случайном посетителе. Они всячески показывают, что ему их не понять. В сущности, дружба может стоять на этом одном. При чужаке с наслаждением, как бы походя, называют отсутствующих, чтобы он не знал, о ком идет речь. Как-то мне повстречался человек, который так и сыпал неведомыми именами "Ричард Баттон мне сказал..." — начинал он фразу. Мы по молодости не смели выдать ни ему, ни друг другу, что никогда не слышали о Ричарде Баттоне. Много позже мы узнали, что он был никому из нас не известен. (Я даже подозреваю, что ни Ричард Баттон, ни Езекия Кромвеллс, ни Элинора Форсайт вообще не жили на свете. А мы целый год ходили пришибленные.)

И олимпийскую, и мятежную, и пошлую гордыню круга найти нетрудно. Опрометчиво счесть, что наш собственный круг ее лишен. Опасность эта почти неотделима от дружеской любви. Быть может, мы не станем ни бунтарями-титанами, ни простыми хамами, мы станем "избранными". Общность, соединившая нас, исчезнет, и мы будем "кругом ради круга", самозваной (а потому нелепой) аристократией.

Иногда такой круг начинает набирать рекрутов. Он принимает уже не тех, кто видел ту же истину, а "понимающих людей". Участие в нем дает какие-то выгоды, хотя бы на уровне полка, школы или причта. Члены его помогают своим и вместе борются с чужими; беседы о Боге или о стихах сменяются деловыми переговорами. Это справедливо. "Праха ты, и в прах возвратишься", — сказал Бог Адаму. Дружба, лишённая своей души, извратилась в приятельство. Круг уподобился первобытным охотникам. Они и есть охотники, но не самые достойные.

Толпа никогда не бывает совершенно права, не бывает она и совершенно не права. Совсем неверно, что люди вступают в дружбу только спеси ради. Но спесь действительно угрожает всякой дружбе. Самая

духовная любовь подвержена духовной опасности. Если хотите, дружба уподобляет нас ангелам; но для того, чтобы вкушать ангельский хлеб, человеку нужен тройной покров смирения.

Быть может, сейчас мы догадаемся, почему Писание так редко пользуется образом дружбы. Она слишком духовна, чтобы стать символом духовного. Высшее не стоит без низшего. Господь может смело называть Себя Отцом и Женихом — ведь только сумасшедший подумает, что Он действительно зачал нас или физически вступил в брак с Церковью. Слово "друг" мы способны понять не как символ, а как самую истину, и оно станет особенно опасным. Мы получим право принять близость дружбы "по сходству" к жизни в Боге за истинную, настоящую близость.

Таким образом, дружба, как и всякая естественная любовь, не может сама себя спасти. Она духовна, враг ее тоньше, и потому она особенно сильно должна взывать к небесной защите, если хочет остаться безгрешной. Смотрите, как узка ее тропа. Дружба не должна стать "обществом взаимного восхищения", но без взаимного восхищения она не может жить. Друзья восхищаются друг другом, как восхитились друг другом Христиана и ее подруга в "Пути паломника", когда омылись и облеклись в чистые одежды. "Они благоговейно страшились друг друга, ибо не видели своего сияния, но видели его у другой. Теперь они почитали друг друга более, чем себя. "Ты красивей меня", — говорила одна. "А ты лучше меня", — говорила другая". Опасность минует нас, если мы будем помнить об омовении и чистых одеждах. Чем выше основа нашей дружбы, тем тверже должны мы это помнить. Если дружба основана на вере, гибель ее будет ужасна.

Нам покажется, что мы — четверо или пятеро — выбрали друг друга, потому что умным оком проникли в сокровенную красоту другого; что мы сами, по своей воле, стали особым, высшим классом, поднялись своими силами над прочими людьми. Ни привязанность, ни влюбленность такой иллюзии не порождают. В привязанности выбираем не мы. Что же до влюбленности, половина любовных стихов и песен расскажет нам, что возлюбленная — наш рок, наша судьба и любовь к ней не больше зависит от нашего выбора, чем удар молнии. Стрелы Амура, гены, что хотите, только не мы. В дружбе нам кажется, что мы выбираем себе равных. На самом деле тут замешана масса случайностей. Родись мы раньше, живи дольше, не заведи какого-нибудь разговора, и дружбы не было бы. Но для христианина нет случайностей. Христос поистине может сказать всякому кругу друзей: "Не вы избрали друг друга, но Я избрал вас друг для друга". Дружба — не награда за ум или вкус, а орудие Божие, с ее помощью Господь открывает нам красоту другого человека. Этот человек не лучше сотен прочих, но мы увидели его. Как и все доброе, красота эта — от Бога, и потому в хорошей дружбе Он ее умножит. Господь, а не мы созывает наших гостей и, посмеет надеяться, правит нашим дружеским пиром. Во всяком случае, так быть должно. Не будем же ничего решать без Хозяина.

Речь не о том, чтобы дружить торжественно. Упаси нас от этого Господь, творец доброго смеха! Среди прекрасных и трудных тонкостей жизни есть и такая: надо очень серьезно относиться к некоторым вещам и принимать их легко, как игру. Но об этом мы поговорим в следующей главе. А пока приведу лишь дивно уравновешенный совет Денбара:

Хвалите Бога всем на радость,

На мир же сей не полагайтесь.

Клайв Стейплз Льюис
«Любовь». Четвёртая глава: «Дружба»